

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ, ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ, PR-ТЕХНОЛОГИИ

УДК 387.4

А.Е. Смирницкий

РЕФОРМЫ ДЭН СЯОПИНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРИОДА «ПЕРЕСТРОЙКИ»: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Анализируется научная и научно-популярная литература о Китае периода 1970–1980-х гг. и о ее влиянии на советское общественное сознание. Опыт китайских реформ рассматривается как недостаточно востребованный в ходе постсоветских преобразований, выявляется сфера его возможного применения для анализа перспектив социального развития.

Ключевые слова: Китай, реформы, советский народ.

С началом перестроечных процессов в СССР у советских людей возрос интерес к китайским реформам. Этот интерес не был праздным. Реформы, проводимые в КНР, оказывали самое непосредственное воздействие на развитие советского общества. В этих условиях советские китаеведы обратились к изучению специфики китайских реформ. Нельзя сказать, чтобы советские исследователи вовсе не обращались к проблемам развития КНР в 1970-1980-е гг. XX в. Однако круг тем был жестко ограничен и предельно политизирован. В основном историки посвящали свои штудии разоблачению гегемонистского курса Мао Цзэдуна на мировой арене и «культурной революции». Как правило, авторами этих работ были советские журналисты и сотрудники аппарата ЦК КПСС. Уровень их компетенции в китайской проблематике соответствовал их статусу. В период «перестройки» все изменилось. В лучших традициях советской исторической науки историки не ограничились написанием научных монографий. Ими были изданы интересные документы, позволяющие понять сущность китайских реформ и научно-популярные работы. Историки-китаеведы не ограничивались академическими изысканиями. Они стремились обратить внимание советского общества на проблемы и противоречия китайских реформ и познакомить советского читателя с китайской повседневностью.

Следует отметить, что такой поворот в изучении новейшей истории Китая был подготовлен задолго до появления первых работ, освещающих опыт китайских реформ. *Во-первых*, в СССР существовала сильная школа китаеведов, работавших в Институте Дальнего Востока АН СССР. *Во-вторых*, в Советском Союзе были высокопрофессиональные журналисты-международники, среди которых было немало китаистов. Их статьи регулярно печатались в журналах «Азия и Африка сегодня», «Эхо планеты», «Новое время» и др. Сложность и запутанность общественных отношений Востока предохраняли китаистов от чрезмерной назойливости советской цензуры. Как отмечал известный советский журналист В. Овчинников, «чтобы писать о чем-либо надо знать о данном предмете на порядок больше, чем потенциальные читатели. Когда я осознал это, именно моя компетентность стала тем коконом, который защищал меня от цензуры в советские времена. Как газетные, так и телевизионные начальники чувствовали, что я знаю о Китае и Японии гораздо больше их. И не решались делать мне замечания и давать указания, дабы не попасть впросак» [1, с. 429].

Из документов, посвященных китайским реформам, следует выделить «Избранные произведения Дэн Сяопина», благодаря чему читатель, хотя и в сильно урезанной форме, познакомился с взглядами патриарха китайских реформ на проблемы социально-экономического развития КНР. Прежде всего обращает внимание отход от того примитивного эгалитаризма, который был характерен для партийных руководителей периода «культурной революции». «Мы выступаем за то, чтобы часть районов становилась зажиточной раньше других именно для того, чтобы районы, первые пришедшие к зажиточности, помогали отсталым районам в деле их лучшего развития. По той же самой причине мы стоим за то, чтобы часть людей раньше других переходила к зажиточной жизни, чтобы та часть людей, которая уже стала зажиточной помогала остальным идти к зажиточной жизни» [2, с.129]. В то же время Дэн Сяопин выступал за ограничение демократии, причем ее патриарх китайских реформ умело связывает с недоброй памятью «культурной революцией», чтобы укрепить положение КПК в обществе и дискредитировать идеи либерализма, ставшие популярными в кругах китайской интеллигенции и части партийного аппарата. «В 1980 г. ВСНП принял решение об отмене «широкого высказывания мнений, широкого изложения взглядов, широких дискуссий и широкого вывешивания дацзыбао». Поклонники же западной «демократии» так или иначе стараются возродить эти «четыре широко». Наученный горьким опытом десятилетней «культурной революцией», Китай не может возвращаться к старой практике» [2, с.143].

На наш взгляд, именно такая позиция обеспечила успех «линии Дэн Сяопина» в проведении китайских реформ и поддержку ее большинством китайского общества. В то время как М.С. Горбачев и его окружение апеллировали при проведении своих реформ к идеалам Октябрьской революции, Дэн Сяопин всячески стремился создать у населения КНР негативный образ «культурной революции». Это принесло успех не только в экономике, но и в политике. Учитывая позицию Дэн Сяопина, можно понять, почему потерпели поражение выступления на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Усилиями Дэн Сяопина этим манифестации расценивались значительной частью населения страны как продолжение пресловутой «культурной революции», а их организаторы, как продолжатели дела хунвэйбинов, хотя демонстранты 1989 года выступали под диаметрально противоположными лозунгами. Население КНР очень хорошо помнило «культурную революцию» и не желало ее повторять.

В то же время Дэн Сяопин предстает перед нами как весьма прагматичный политик. Он видит трудности на пути реформ и честно предупреждает о них сограждан. В то время как в СССР периода «перестройки» любое проявление власти рассматривается как «покушение на свободу» и «рецидив сталинизма». Дэн Сяопин призывает беспощадно расправляться с нарушителями социалистической законности. «Когда руководство занимает решительную позицию, тогда волнения прекращаются» [2, с. 200]. Следует отметить, что эти различия дают ключ к пониманию успеха китайских реформ. Наряду с избранными произведениями патриарха китайских реформ был издан сборник законодательных актов КНР под редакцией известного специалиста по законодательству КНР профессора, доктора юридических наук Л.Н. Гудошникова. Многие законы, опубликованные в этом сборнике, носят экспериментальный характер и распространяются на одну или несколько провинций. Законы, помещенные в сборнике, посвящены различным аспектам экономической деятельности в КНР. Особое внимание уделялось работе совместных предприятий, причем их деятельность поощрялась, прежде всего, в технологически передовых отраслях экономики [3, с.292]. Эта практика резко отличалась от безудержного масштабного экспериментирования, свойственного советской «перестройке».

Среди работ, посвященных Китаю второй половины 1980-х гг., особенно выделяется книга, написанная учениками Л.П. Делюсина А.Д. Дикаревым и А.В.Лукиным «Три путешествия по Китаю». Книга представляет собой научно-популярную работу страноведческого характера. Такого рода работы выходили в СССР и ранее и пользовались большой популярностью у советских читателей, так как писались в основном людьми, долгое время работав-

шими за рубежом и, как правило, очень хорошо знающими страну пребывания. Однако данная работа носила во многом знаковый характер: впервые после разрыва советско-китайских отношений в начале 1960-х гг. два молодых советских ученых, представители «советского ревизионизма» в оценке маоистской пропаганды, посетили различные районы КНР. Авторам удалось показать различные аспекты китайской повседневности середины 1980-х гг. Они не ограничились анализом политической обстановки в стране в постмаоистском Китае, а уделили внимание социально-экономическому и культурному развитию китайского общества. Для советского руководства и рядовых советских граждан кануна «перестройки» эта книга была своего рода предостережением о том, какие трудности ждут СССР на пути к реформам. Во многих чертах китайской действительности того времени мы без труда узнаем более поздние реалии нашей жизни.

Так, по наблюдениям авторов, реформы Дэн Сяопина способствовали коммерциализации китайского общества от партийных работников до рядовых китайцев. Этот процесс сопровождался эрозией коммунистических идеалов, в том числе и на бытовом уровне. Так, китайские граждане, особенно южных провинций, в повседневном общении предпочитали обращение «господин» традиционному обращению «товарищ» («тунчжи»). Девальвация коммунистических идеалов сопровождалась ростом националистических великоханьских настроений. Так, находясь в Тибете, авторы были свидетелями того, как этнические китайцы глумились над обычаями местного населения [4, с. 210]. В то же время авторы обратили внимание на стремление китайской молодежи 1980-х гг. к познанию западной культуры. Характерно, что это стремление у китайцев выражалось не во внешней форме как у значительной части советской молодежи («хиппи», «панки», «рокеры», «стиляги» и др.), а в познании качественной составляющей культуры Запада, что нашло отражение в изучении иностранных европейских языков, которое приняло массовый характер. Как отмечали А.Д. Дикарев и А.В. Лукин, молодые китайцы, узнав, что авторы хорошо знают английский язык, с удовольствием практиковались с ними в разговорном английском [4, с. 65]. Эта тенденция имеет глубокие корни. Еще в начале XX в. немало молодежи из средних слоев общества и в их числе молодой Дэн Сяопин уезжало учиться в страны Западной Европы.

Особое место среди публикаций по новейшей истории Китая 1970–1980-х гг. занимали журнальные публикации. Советское руководство и советское общество традиционно уделяли большое внимание проблемам внешней политики. Столь глубокий интерес был обусловлен статусом СССР, как одной из мировых сверхдержав. Интерес советского общества к жизни зарубежных стран нашел отражение в наличии сильной школы журналистов-международников и в существовании множества журналов, в той или иной степени освещавших проблемы международных отношений. Со второй половины 1980-х гг. в разгар советской «перестройки» резко увеличилось количество журнальных публикаций по проблемам китайских реформ. Условно их можно разделить на два вида: 1) публикации, освещающие политическую систему КНР и политические события внутри страны; 2) публикации, освещающие опыт китайских реформ в контексте социально-экономического развития КНР.

Первый вид публикаций носил во многом официальный характер. В 1989 г. М.С. Горбачев посетил КНР с официальным визитом, был подписан ряд важных соглашений, в том числе о выводе советских войск из МНР и о регулировании советско-китайских торговых отношений, в том числе и в приграничной зоне. В этих условиях, советские лидеры и журналисты воздерживались от резких оценок китайской политической системы.

Однако после событий на площади Тяньаньмэнь тональность советских публикаций изменилась. Находясь в рамках политкорректности, советские журналисты все же попытались выяснить влияние этого важного события на политическую жизнь Китая. Многие из них отмечали ужесточение политического режима. Так, в журнале «Эхо планеты» была опубликована заметка о политической кампании, которую китайские официальные лица называли «прополкой сорняков». «С полок книжных магазинов изымается и сжигается политическая литература, попавшая в разряд «идеологически вредной», пропагандирующей бур-

жуазную либерализацию. «Очистительному огню» предаются издания легкого жанра: о приемах борьбы кунг-фу, гаданиях по руке, лицу и звездам и «половых актах со всеми подробностями» [5, с. 37]. Характерно, что еще год назад журнал отмечал иную тенденцию. «Через открытые двери в Китай прибывают кинофильмы, книги, журналы, телепрограммы, эстрада, моды, танцы. В кинотеатрах можно посмотреть и советские фильмы, но еще больше западных. В книжных магазинах можно приобрести американский журнал «Лайф», мемуары Генри Киссинджера, труды западных политологов о Китае, зарубежные детективы. Партийный работник из Сианя разъяснял: «Наш народ достаточно грамотный и умный, чтобы самостоятельно разобраться, – что хорошо, что плохо, где правда, а где ложь» [6, с. 30].

Парадоксальной особенностью политической жизни Китая после событий 1989 г. было возвращение к пропаганде наследия героев «культурной революции», в частности, жизни солдата Лэй Фэна, скромного в быту и беспредельно преданного идеям Мао Цзедуна. В то же время сама эпоха «культурной революции» подвергалась осуждению [7, с. 25]. Это свидетельствует о крайне прагматическом отношении руководства КНР к историческому наследию своей страны в отличие от советского руководства, подвергавшего огульному осуждению целые пласты советской истории.

Гораздо большее внимание советские журналисты-международники уделяли социально-экономическому развитию КНР во второй половине 1980-х гг. Они отмечали несомненный успех реформ Дэн Сяопина. Однако «путь от отсталости к прогрессу оказался значительно сложнее и болезненнее, чем представлялось десять лет назад у истоков реформы. Новые жилые кварталы и углые джонки вместо квартир у набережной Гуйлиня, суперсовременный завод-автомат в Шанхае и впрягшийся в повозку рабочий с бетонными лестничными пролетами на улице Сианя – это реальности Китая» [8, с. 27]. Китайские экономические реформы породили проблемы, с которыми в полной мере столкнулись уже независимые республики, входившие ранее в Советский Союз, но без китайских успехов. Экономические реформы в КНР породили рост социального расслоения в обществе. Традиционным стереотипом стала трактовка событий на площади Тяньаньмэнь как несостоявшейся «бархатной революции». Однако советские журналисты обратили внимание на то, что «когда сотни тысяч студентов и рабочих вышли на улицы, то большинство мелких торговцев поспешили закрыть лавочки и магазины на время «смуты», опасаясь, что гнев пекинцев может перекинуться и против них» [8, с. 30].

Таким образом, не только требования демократизации, но и возмущение людей дороговизной цен на товары повседневного спроса вывело их на улицы в 1989 г. Бытовые зарисовки советских журналистов достаточно красноречивы. «Помню, как в последний день перед отъездом из Чэнду в Пекин китайские коллеги решили показать нам город, а заодно и угостить. Пока официанты колдовали у нашего столика, я заглянул в распахнутое настежь окно и нос к носу столкнулся с мальчишкой лет десяти, одетым в какую-то рванину. С блаженной улыбкой на чумазом лице наслаждался диковинным для него зрелищем, вдыхая ароматы чужого застолья» [9, с. 28]. Экономические реформы сопровождались свертыванием системы социальных льгот, что ударило по наименее защищенным слоям населения. «В погоне за прибылями управляющие предприятиями в ряде случаев не предоставляют или сокращают молодым матерям декретные отпуска, которые по закону даются на полгода. С целью «экономии» на некоторых заводах были закрыты ясли и детские сады. Наиболее тяжелое положение у тех, кто нанят индивидуальными производителями или владельцами частных предприятий. Им приходится работать по 12-15 часов в сутки [10, с. 35]. Теневые стороны китайских реформ не укрылись от советских журналистов, работавших в Китае в 1980-е гг. «Для полноты впечатлений можно зайти в холлы суперсовременных отелей, десятками поднявшихся над старыми кварталами Пекина и других городов страны. Невольно возникает мысль: «Нам бы эдакое...». Но если попытаться в нескольких словах создать характерный образ увиденного нами Китая, то на память приходит довольно типичная картинка: до пояса обнаженный седой старик на улице Чэнду- административного центра провинции Сычуань-

впрягшийся в тяжелую деревянную телегу. А на телеге - десяток фирменных коробок с персональными компьютерами» [8, с. 30]. Серьезным предостережением советским руководителям периода «перестройки», сделавшим ставку на фермеризацию сельского хозяйства, были сообщения о проблемах сельского хозяйства КНР в условиях реформ. Как отмечал советский журналист П. Спирин, «размеры надела резко ограничивают возможности механизации и повышения производительности труда. До сих пор в китайской деревне используются буйвол и соха, а на строительстве ирригационных сооружений – кирка и лопата» [10, с. 22].

Реформы Дэн Сяопина способствовали росту социальной напряженности в обществе, что не укрылось от глаз советских журналистов. «В деревне приходилось видеть такую картину: крестьяне ждут раздачи удобрений у государственного склада, а в нескольких метрах предприимчивый делец продает удобрения с того же склада, только значительно дороже. Потом выручку поделят: часть денег получит кладовщик, подписавший накладную, остальное достанется спекулянту. И такое явление приняло повсеместный характер». Только за 1987 г. произошло свыше 100 тыс. инцидентов, когда возмущенные спекуляцией крестьяне захватывали грузовики с удобрениями, сбивали замки со складов» [11, с. 7]. Коммерциализация китайского общества породила коррупцию, которая остается острейшей проблемой в КНР и до сего дня. «Если взятка в размере 500 юаней в 50-е гг. причислялась к категории серьезных преступлений, то начиная с 1970-х гг. речь зачастую идет о сотнях тысяч юаней» [12, с. 21]. Seriously деформировался и менталитет китайского общества. Известный советский журналист В.В. Овчинников, бывавший в Китае в 1950-е гг. и в начале 1990-х гг., отмечает: «В 50-х гг. любого иностранца уважительно приветствовали словом «сулянь» (советский). Когда романтический дух солидарности и самопожертвования, присущей первой пятилетке, сменился меркантилизмом рыночных отношений, китайцы сильно изменились. Причем не всегда в лучшую сторону. Попав в Пекин в 90-х гг., я был поражен обилием металлических дверей и обилием решеток на окнах. В городе, который не знал замков, участились кражи. И даже уличные торговцы теперь норовят обмануть покупателя трижды: на цене, на весе и на сдаче» [1, с. 40].

Таким образом, в СССР периода «перестройки» тема китайских реформ 1970–1980-х гг. освещалась как историками, так и журналистами. Если первые написали интересные научно-популярные очерки о КНР и публикации исторических источников, то журналисты сконцентрировали свое внимание главным образом на анализе социальной повседневности Китая. Историки и журналисты сумели остаться в рамках академической трактовки китайской действительности и не опуститься до апологетики или шельмования китайского опыта в тот период, когда предельный субъективизм и тенденциозность считались эталоном прогрессивности. В целом, советским китаеводам уже тогда удалось достаточно объективно показать проблемы и противоречия китайских реформ. Тем самым советское общество и руководство СССР имело в своем распоряжении добротный аналитический материал, который мог бы послужить предостережением для чересчур радикальных реформаторов. Однако этот богатый материал не был должным образом использован. Главная причина этого – состояние общественного сознания советского общества тех лет. Основное внимание руководство страны и рядовые граждане уделяли странам Запада. Именно там они искали чудодейственных рецептов экономического процветания. «Мы избрали парадигму свободы», – вещал кумир советской интеллигенции Е.Т. Гайдар. Опыт Китая отвергался ими как «опыт тоталитарного государства». Наиболее радикальные из них предвкушали крушение коммунистического Китая. В итоге советское, а затем и российское общество столкнулось с теми проблемами, о которых писали китаеведы применительно к китайской действительности. После провала либеральных реформ российское общество обратилось к китайскому опыту реформирования, однако той страны, для которой он мог быть востребован, уже не было. Тем не менее, усилия советских китаеведов не пропали даром. Именно они заложили основу полноценного изучения опыта китайских реформ, который будет в той или иной мере востребован республиками бывшего Советского Союза.

Библиографический список

1. **Овчинников, В.В.** Калейдоскоп жизни: экзотические, драматические и комические эпизоды личной судьбы ветерана журналистики / В.В. Овчинников. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
2. **Сяопин, Д.** Основные вопросы современного Китая / Д. Сяопин. – М.: Политиздат, 1988.
3. Китайская Народная Республика: Законодательные акты. 1984-1988 / под ред. Л.М. Гудошников. – М.: Прогресс, 1989.
4. **Дикарев, А.Д.** Три путешествия по Китаю / А.Д. Дикарев, А.В. Лукин. – М.: Прогресс, 1989.
5. Эхо планеты. 1989. № 48.
6. **Бажанов, Е.** Окно в Великой стене // Эхо планеты. 1988. №15.
7. **Кириллов, А.** Второе пришествие героев. Эти всемогущие «измы» / А. Кириллов, В. Томилин // Эхо планеты. 1990. №18.
8. **Кривошеев, Г.** Время ожиданий / Г. Кривошеев, Ю. Певнев // Эхо планеты. 1990. № 2.
9. **Кириллов, А.** Добрые люди из Сычуани // Эхо планеты. 1988. № 23.
10. **Спирин, П.** Не стоять на коленях перед «бумажным мужем» // Эхо планеты. 1998. № 10.
11. **Арсланов, Г.** «Гайгэ» – значит реформа // Эхо планеты. 1988. 14-20 мая.
12. **Томилин, В.** «Телефон доверия» по-китайски // Эхо планеты. 1989. №1.

*Дата поступления
в редакцию 04.06.2015*

A.E. Smirnitskiy

**DENG XIAOPING REFORMS IN NATIVE HISTORIOGRAPHY
OF RESTRUCTURING PERIOD: SOCIAL STEERING PROBLEMS**

Nizhniy Novgorod state pedagogical university n. a. K. Minin

The paper deals with analysis of scientific and publicist sources about China within the period of 1970-1980. Its influence on the Soviet public opinion is the main topic under consideration. This experience has not been still accepted, nevertheless, it can be used in the analysis of modern social development.

Key words: China, reforms, soviet people.